

Татьяна Абалова

Подработка на том свете

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
А13

Абалова, Т.

А13 Подработка на том свете / Т. Абалова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 316 с.

ISBN 978-5-517-11870-7

Давая объявление «Ищу подработку с проживанием», будь готова к тому, что тебя пригласят на должность администратора в милой и тихой гостинице с кладбищем на заднем дворе. Но не отчаивайся, даже в таком укромном местечке кипит жизнь. Здесь тебе предложат руку и сердце. А может, ногу и череп, смотря как себя покажешь. Правда, следует учесть, что бороться за тебя будут сразу трое великолепных мужчин, и только от тебя зависит, где ты окажешься, когда срок контракта истечёт.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11870-7

© Абалова Т., 2024
© Спиридонова И., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава 1

Ветер перемен сшиб меня с ног сильнейшим порывом: квартиру, которую я снимала, попросили освободить, поскольку хозяйка надумала устроить ремонт, стипендия не скоро, а кафе, где я подрабатывала, закрылось. Безденежье обрекло меня на бег с высунутым языком, чтобы найти подработку с проживанием. Светлана Сергеевна обещала уложиться с косметическим «ремонтником» в месяц, но я чуяла, придется перебиваться на чужбине дольше. Квартиру терять не хотелось, она была в пешей доступности от университета, поэтому я прилагала все усилия, чтобы сохранить ее за собой. Тем более мы почти сроднились с милой старушкой.

— Марго, ну чего ты? — трясла голубыми кудельками бывшая балерина. — Четыре недели пролетят быстро, и мы снова заживем дружно и ладно. Я бы пригласила тебя к своей приятельнице, но у нее семь кошек, а у тебя на их шерсть...

— Аллергия, — закончила я фразу. Несмотря на свой возраст, одевалась хозяйка ярко, даже кричаще, за что злые языки прозвали ее Светкой-Семафором. Но я любила женщину за теплоту, отзывчивость и веру в добро. Про себя я ласково называла ее Светиком-Семицветиком.

Я могла бы поехать к себе домой, но кто захочет провести каникулы в деревне, где живет всего с полсотни жителей, причем большинство из поколения, помнящего прелести социалистического строя. Собирая сразу после школы чемодан, я поклялась себе, что никогда туда не вернусь. Отец лично благословил меня, перекрестив наполненной до краев рюмкой. Его сожительница помахала вслед мамин-

ной шляпой. Такого я не выдержала, вернулась и вырвала из ее рук вещь, которой никто чужой не должен был касаться. Шляпа и платье из зеленого бархата — осколки нашего благополучного прошлого. Однажды мама ушла на работу и не вернулась. Папа запил, и вскоре нам пришлось перебраться из города в бабушкин дряхлеющий дом.

Грустные мысли о семье делали меня злее, и каждую неудачу на собеседовании я принимала как вызов судьбы. Я справлюсь, я смогу! Но шли дни, а работа с неременным проживанием все никак не находилась. Кого-то из работодателей не устраивало, что подработка требуется временно — с началом учебы я не смогла бы отдаваться ей полностью, кто-то, оглядев меня ревнивым взором, не захотел брать в дом «молодую и слишком привлекательную уборщицу» — здесь я не шучу, дамой около пятидесяти так и было мне заявлено, а кто-то, оберегая дитя, которое быстро привыкает к нянькам и трудно с ними расстается, не захотел лишний раз его травмировать.

Я находилась на грани отчаяния и готова была согласиться на временный постой в квартире с семьей кошками, как произошло событие, полностью поменявшее мою жизнь. Правда, в тот момент, когда я увидела топчущуюся на пороге подъезда Светлану Сергеевну, ничто не предвещало настолько крутых перемен.

Увидев меня, старушка рванула навстречу. Легкий шаг и прямая спина, которой позавидует любой человек, чей возраст перевалил за семьдесят, делали ее, одетую в летящие ткани, похожей на лесную нимфу на пенсии.

— Наконец-то, — она помахала белым конвертом, — я уж думала, ты не вернешься!

— Куда я без своего чемодана? — буркнула я, не понимая, что заставило старшую подругу спуститься с пятого этажа.

— Тебе принесли приглашение на работу! С проживанием!

Распечатанный конверт дрожал в пальцах, обтянутых кружевом перчаток. Хорошее известие смело недовольство от бестактности, допущенной квартирной хозяйкой. Совать нос в чужие письма непростительное занятие для заявленной интеллигентности.

— Можно я сама тебе зачитаю? Ну, пожалуйста! Уж больно все ладно складывается, — от нетерпения ее голосок дрожал.

Я кивнула. Меня тоже потряхивало от предвкушения, что же могло так возбудить хозяйку. Она кашлянула, поправила очки и начала:

«Уважаемая Маргарита Павловна! Ваш адрес мы взяли в одном из бюро, куда вы обращались в поисках работы. Там же мы ознакомились с оставленным вами резюме. Ваша кандидатура нас полностью удовлетворяет. Предлагаем вам должность и.о. администратора небольшой загородной гостиницы. Единственное условие, которому вы должны следовать — контракт нельзя разрывать раньше оговоренного срока. Если вы согласны, найдите в конверте карточку с нашим адресом. Просим вас прибыть в гостиницу завтра ровно в восемь часов утра».

Я выдернула из пальцев Светланы Сергеевны конверт и заглянула в него, но никакой карточки не обнаружила.

— Понимаешь ли, милая, — Светик-Семицветик прятала глаза, — я взяла на себя дерзость любопытствовать, кто тебе пишет, но нечаянно выронила карточку. У нее оказались до того острые края, что, поднимая ее с пола, я порезалась.

Она сняла перчатку и продемонстрировала ранку на пальце.

Из кармана появилась завернутая в платочек карточка. Влажная, со следами крови.

— Я пыталась ее отмыть, — голос у старушки дрожал.

Теперь мне было понятно, что толкнуло пожилую женщину кинуться меня встречать — чувство вины. Ее любо-

пытство, благодаря пятнам крови, сделалось явным. В противном случае она преспокойно запечатала бы конверт и сделала вид, что понятия не имеет, кто и зачем мне пишет.

Я повертела бумажный квадратик, чтобы разобрать название гостиницы. От всего адреса осталось лишь название улицы и номер автобуса, который меня привезет на нее. На конверте штампы и данные отправителя отсутствовали. Создавалось впечатление, что письмо сунули в почтовый ящик, обходясь без услуг «Почты России».

— Будем надеяться, что на Фонарной всего одна гостиница, да? — Светлана Сергеевна заискивающе посмотрела мне в глаза. — Тут, милая, что-то еще было написано на обратной стороне, но я не разобрала, слишком мелко, а после воды буквы сделались нечитаемыми. Кто же думал, что у приличной на первый взгляд гостиницы такие дерьмовые карточки!

Старушка обиженно поджала губы. Применение ругательств указывало на высшую степень расстройства. Я обняла ее.

— Как-нибудь выкрутимся, да? — мягко произнесла я. — Нам ли не уметь вертеться?

— Да, — просияла хозяйка и, сделав шаг в сторону, показала изящный поворот. Балерина умрет в ней в последнюю очередь. Сплетницы, сидящие на лавочке, осуждающе покачали головами. Но какое нам дело до них? Мы, красавицы, живем в своем мире, полном красок. Обняв Светлану Сергеевну за плечи, я повела ее домой пить чай с купленными в ларьке маковыми булочками.

Утром, облаченная в зеленое бархатное платье, с чемоданом в одной руке и маминой шляпой в другой, я стояла на остановке. Вчера я пыталась понять, как далеко находится Фонарная улица, чтобы рассчитать время, но автобусный маршрут № 13 четко прослеживался лишь в черте города, а дальше тонул в зелени леса. Пятно без единого строения занимало настолько большое место, что я реши-

лась положиться на водителя. Жалко, что на карточке не нашлось номера телефона — его, скорее всего, «смыла» моя квартирная хозяйка. Распрощались мы с ней тепло.

— Я позвоню, как только закончится ремонт, — пообещала Светлана Сергеевна, опускаясь на мой старомодный чемодан «посидеть на дорожку».

— Даже если не будет звонка, я явлюсь тридцать первого августа, — пригрозила я, целуя ее в надушенную щечку. Хотя и в бигуди на голубых волосах, но глазки уже подведены, помада на губах. Светлана желала предстать перед подругой и ее семью кошками в наилучшем виде. — Учтите, буду скулить на пороге, пока мне не откроют.

— Я всегда тебе открою, милая. Ну-с, легкого пути!

Тринадцатый автобус оказался разбитым и дребезжащим. Несмотря на час пик, подкатил пустым. И я же была единственным его пассажиром на всем пути следования, хотя водитель — пожилой дядька с пышными усами, с педантичностью робота выполнял свою работу и останавливался на каждой остановке. Когда мы проехали в незнакомую часть города, я вовсе перестала ориентироваться.

— Не подскажите, где на Фонарной улице гостиница? Мне туда надо, — держась за поручни, поскольку автобус дергало и мотало из стороны в сторону, я подобралась к водителю. Чемодан и шляпу оставила на своем сиденье. Последняя, не выдержав тряски, скатилась на пол и допрыгала к моим ногам. Пришлось нахлобучить ее на голову.

— Раз надо, найдешь, — бросил водитель, сосредоточенный на дороге. Невольно я обратила внимание на костяшки его пальцев, сжимающих руль — они побелели от напряжения. Еще бы, вести такую колымагу, на которой легко отправиться на тот свет, нелегко. Я не стала отвлекать шофера, вернулась на свое место и замерла, обнявшись с чемоданом.

Дорога показалась бесконечно долгой. Я с беспокойством в очередной раз заглянула в мобильник. 7:46. Как бы не опоздать.

Тормозя, автобус дернулся так, что меня снесло на сиденье напротив.

— Фонарная! — объявил водитель и недовольно шевельнул усом. Я вывалилась из дверей с чемоданом под мышкой и криво сидящей шляпой. Обдав меня на прощание доброй порцией отработанного газа, автомобиль покати́л дальше. А я замерла с открытым ртом. Я стояла на небольшом пятачке утопанной земли рядом с единственным фонарным столбом посреди густого леса.

— Ау... люди? — просипела я, озираясь на темные деревья-великаны. От страха перехватило горло. — Куда идти-то?

То, что в городе называлось ранним утром, здесь, в лесу, носило признаки предрассветной ночи. Серое небо, серые деревья и пугающая тишина. Я вздрогнула, когда над головой что-то зазвенело. Резко обернувшись, поняла, что загорелся единственный фонарь на всей Фонарной улице. Признаки цивилизации несколько успокоили.

Поставив чемодан на землю и наскоро отряхнув платье, испачкавшееся после падения в автобусе, я огляделась. Нужно быть круглым дураком, чтобы не понять, что фонарь зажгли специально для меня: от него тянулись провода, уходящие в прогалину между соснами. Поправив шляпу и подхватив туго набитый багаж, я поспешила в указанную сторону, иначе рисковала опоздать: часы на телефоне пугали, что до встречи с работодателем осталось всего семь минут. Беги, Марго, беги!

Ступив в лес, я засомневалась, не заблужусь ли, но загорелся следующий фонарь, потом еще один и еще. Я шла все увереннее, хотя и озиралась при малейшем шорохе. Лес расступился внезапно, и я оказалась на окраине пустыря, на котором замер огромный дом, слабо похожий на

здание современной гостиницы. Неудивительно, что его визитная карточка не подверглась ламинации — достижению двадцать первого века, и текст легко смылся водой. От здания пахло ушедшими временами. Мрачное, странной архитектуры, с двумя нелепыми надстройками на крыше, отчего оно казалось рогатым зверем, затаившимся перед прыжком. Несколько горящих окон на верхних этажах дополняли сюрреалистичную картину — зверь зорко наблюдал за мной. В довершение всего над ним, каркая, кружилась стая ворон.

— Божечки, куда меня занесло? — прошептала я, не понимая, отчего вдруг сделалось темно: день за пределами леса вовсю разгорался, а тут я словно попала в иное измерение. Я вздрогнула, когда над холмами, что выгнули спины за странным домом, пророкотал гром. Надвигалась гроза. Молния прошила небо, добавляя дому зловещего вида. Первые крупные капли заставили бежать. Не назад к остановке, как мне того хотелось бы, а к дому: фонари погасли, и я ни за что не выбралась бы из темного леса. Из двух зол я выбрала меньшее. Все-таки меня там ждали работа и кров, а все мои сомнения — не что иное, как плод разбушевавшейся фантазии.

Стремительный бег не помог уберечься от ливня. За шнур старинного звонка я дергала вся вымокшая. Прекрасно! Перед нанимателем я предстану в наилучшем виде. Поля шляпы поникли и пришлось поправлять их, чтобы хоть что-то видеть. В туфлях хлюпало, а подол отяжелевшего платья неприятно лип к икрам. С беспокойством взглянув на часы, я не удержалась от вскрика. Они так и показывали 7:53, словно я не потратила и минуты на то, чтобы добраться от остановки до гостиницы. Мистика.

Дверь долго не открывали, поэтому я задрала голову, чтобы посмотреть, не зажглись ли еще окна, но нет. Свет по-прежнему горел только на верхних этажах. Зато я об-

наружила вывеску с названием гостиницы, отчего у меня мелко задрожали коленки.

«Последний приют». Нормально.

— Иду-иду! — слышался ломкий женский голос, и я различила шарканье небыстрых ног.

Открыла мне дверь крепенькая старушка — из тех, у кого даже в преклонном возрасте сохранились румяные щечки.

— О, такая молоденькая? — отчего-то удивилась она. — Как же жаль, что так безвременно...

— Извините, я немного опоздала, — после некоторой заминки нашлась я с ответом, посчитав, что пожилая леди упрекает меня за непунктуальность. Старости свойственно путать слова и определения — эту истину я уяснила, живя со Светланой Сергеевной. Я быстро взглянула на зажатый в руке мобильник. На мониторе горели все те же 7:53, что несколько меня озадачило. Краем глаза отметила, что антенны тоже нет, что побуждало перезагрузить телефон. Не может такого быть, чтобы в нескольких километрах от города не было сотовой связи.

— Прости, я приняла тебя за другого, — старушка широко улыбнулась, отчего пухлые щечки почти закрыли глаза. Все страхи меня тут же отпустили.

— Я по поводу временной работы с проживанием.

— Так, выходит, ты новый администратор? — всплеснула руками женщина. — Проходи, милая.

— Да. Я та самая Маргарита Павловна. Вы прислали мне письмо.

— А меня зови просто тетя Лида, — она отступила в сторону, приглашая в коридор, помпезно устланный красной ковровой дорожкой. Уютно горели настенные светильники. У входа стояла корзина с зонтами. Старушка, заметив, насколько я вымокла, покачала головой.

— Наверное, для начала следует отвести тебя в комнату, чтобы ты переоделась, — ее взгляд опустился к моим но-